

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МИФА О ВСЕОТЗЫВЧИВОСТИ ПУШКИНА

«<...> По мере того как шло время и имя Пушкина утверждалось в своих правах, <...> прежний пушкинский круг уходил с исторической авансцены, оттесняемый новым поколением <...>. Начинается «мифологизация», «запечатление» <...>» (Вацуру 1985. С. 21, 24, 22)

1

«А Пушкин — наше всё: Пушкин — представитель всего нашего *душевного, особенного*» (Григорьев 1859. С. 56–57); «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, — сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое» (Достоевский 1880. С. 136); «Пушкин — самый *объемлющий* и в то же время самый *гармонический* дух, который выдвинут был русской культурой» (Струве 1937. С. 323); «Пушкин был *живым средоточием русского духа, его истории, его путей, его проблем, его здоровых сил и больных узлов. [...]* А призвание его состояло в том, чтобы *принять душу русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме* и оформить, *прекрасно оформить ее*, а вместе с нею — и Россию» (И. Ильин 1937. С. 332, 337); «Пушкин таинственно стал alter ego России [...]. Пушкин есть *личное воплощение величия души России*» (Карташев 1937. С. 304).

В этих и в бесконечно многих других, подобных этим, формулах бросается в глаза гиперглобальность определений роли Пушкина в русской истории: наше *всё, самый* объемлющий, во *всем* объеме, *самый* гармонический, во *всей* глубине... Можно, конечно, объяснять эту гиперглобальность авторитетным влиянием первоначальной формулы подобного типа, выведенной еще Гоголем: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. [...] В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он *более всех*, он далее раздвинул его границы и более показал все его пространство» (Гоголь 1835. С. 68; курсив мой. — А.П.).

Гоголевская поэтика совмещения *всего в одном*, разумеется, оказала сильнейшее воздействие на русскую словесность, и в том числе на те дискурсы, которые предполагают построение обширных историософских моделей, однако в случае с Пушкиным вряд ли следует говорить только о зависимости русской словесности от поэтики Гоголя. Сама поэтика Гоголя была тесно связана с некоторыми общими для людей его времени мыслительно-языковыми категориями, под воздействием которых и начал складываться миф о *Пушкине — нашем всё*.

Пушкин оказался для русской культуры фигурой, принадлежащей к «вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества» (Белинский. Т. 4. С. 307). Из таких явлений и складывается национальная мифология (если понимать мифологию в широком смысле

ле слова — как систему сюжетов и персонажей, которыми определяются коллективные представления о смысле, цели, сущности (и т.д.) жизни и истории данного социума, этноса, народа, государства).

Со второй половины XIX века в мифологии русского образованного общества Пушкин стал центральным персонажем, решительно потеснившим на дальний план персонажа, первенствовавшего в отечественной мифологии XVIII — начала XIX века, — Петра I. Петр I в отечественной мифологии, как известно, фигурировал и продолжает фигурировать преимущественно в функции культурного героя, учредившего для России государственность, армию, флот, промышленность, науки, искусства, тонкости политеса и проч.

У Пушкина совсем иная функция. Пушкин — национальное эхо и зеркало: «Онегин не скопирован с французского или английского; мы *видим* свое, *слышим* свои родные поговорки» (Полевой 1825. С. 265); «В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер *отразились* в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой *отражается* ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» (Гоголь. 1835. С. 68); «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою [...], что такое в существе своем поэт, это чуткое создание, на все *откликающееся* в мире» (Гоголь 1847. С. 381); «...великая натура Пушкина, [...] на всё *отозвавшаяся*» (Григорьев 1859. С. 57); «он *отозвался* типическими образами, бессмертными звуками на все веяния русской жизни» (И. Тургенев 1880. С. 222); «...не было поэта с такою всемирною *отзывчивостью*, как Пушкин» (Достоевский 1880. С. 146; курсив во всех цитатах этого абзаца мой. — А.П.).

Отчасти Пушкин сам способствовал созданию опорной мифологемы для определения смысла своего творчества современниками и потомками — см. стихотворения «Эхо» или «К Н.Я. Плюсковой»: «И неподкупный голос мой // Был эхо русского народа». Однако без соответствующих интеллектуальных условий эта мифологема вряд ли могла бы актуализироваться в сознании образованного общества. Во второй половине 1820-х — 1840-е годы подобающие условия были.

2

Во второй половине 1820-х — 1840-е гг. формируется дискурс, которому предстоит стать одним из самых влиятельных в России и который обычно называют русской философией или русским философствованием (см.: Шпет. Изд. 1989. С. 51—53). У поколения славянофилов и западников, создавшего этот дискурс, были иные, по сравнению с предыдущим поколением, источники образованности. Для этого поколения оказались первоначально важны понятия, усвоенные из немецкой философии конца XVIII — первой трети XIX века, в частности, понятие о самовозрастании (саморазвитии) духовных субстанций (субстанциальных начал), проходящих в процессе своего саморазвития ряд ступеней — от низших к высшим (см., например, самовозрастание гуманности у Гердера или абсолютной идеи у Гегеля).

Приведу два колоритных примера усвоения в России немецких философских понятий — из сочинений Д.В. Веневитинова и С.П. Шевырева.

Веневитинов в своих заметках 1826 года, опираясь на «Систему трансцендентального идеализма» Шеллинга, рассуждает о генеральном законе природы — самопознании. Самопознание — цель всего человечества, но каждый народ идет к самопознанию своим, особым путем, проходя через две ступени: на первой ступени народ направляет свои нравственные усилия к самопознанию безотчетно; «развитие сих усилий» выводит его на вторую, высшую ступень — просвещение. На этой ступени народ «отдает себе отчет в своих делах и определяет сферу своего действия» осознанно — в науках и искусствах: здесь смысл самопознания вербализуется теми, кто стоит на вершине национального просвещения, — поэтами и философами. Так, в творениях Платона и Аристотеля выразилось самопознание Древней Греции, а «новейшая философия в Германии» и поэзия Гете и Шиллера выразили германское самопознание (см.: Веневитинов 1826. С. 128–129).

Воззрения Шевырева 1830-х — начала 1840-х годов в общих чертах можно охарактеризовать следующим образом:

Цель человечества — нравственный прогресс (самовозрастание гуманности). Человечество осуществляет себя в народах. Каждый народ имеет «свою особенную физиономию, свои особенные нравственные и физические свойства. [...] Всякая из [...] наций есть [...] идея на общем собрании человечества» (Шевырев 1835. С. 12). Национальная идея воплощается в словесности: «Литература всякой нации бывает словесным выражением всей ее жизни». Лучшие национальные писатели — «истинные поэты» — «сознали в себе [...] дух своего народа; [...] раскрыли его умственные и нравственные силы» (Шевырев 1842. С. VI, XII). Через своих истинных поэтов народы духовно сообщаются друг с другом. Истинный поэт — это «депутат на европейском вече» (Шевырев. Изд. 1939. С. 87). Истинные поэты выносят национальную идею своего народа на «общее собрание человечества» (Шевырев 1835. С. 12) и, соответственно, наоборот — приносят национальные идеи других народов в свое отечество.

Разумеется, источники подобных построений следует искать не только в философии, но также в немецкой романтической эстетике рубежа XVIII–XIX веков, культивировавшей представление о поэзии и философии как моделях мироздания — см., например: «Истинный поэт вездесущ; он действительно вселенная в малом преломлении [...]. Философ [...] есть голос вселенной» (Новалис. Изд. 1980. С. 96).

В Германии был и образец такого поэта, преломившего своим творчеством вселенную, — Гете.

Гетеанская мифология из Германии перешла и к нам, причем поскольку она не была обусловлена сугубо философическим контекстом, то и отозвалась у образованных людей не только младшего, философического поколения, но и поколений старших. Соответственно, основные контуры мифологического портрета Гете были прочерчены еще до того времени, когда младшее поколение выступило на литературную сцену (поэтому не следует удивляться тому, что некоторые из нижеприведенных цитат относятся еще к 1810-м годам).

Основные параметры представлений о Гете в России можно определить так:

Гете — универсальный гений, отзывавшийся на всё, существующее во вселенной и природе. «Гете был дух, во *всём* живший и *всё* в себе ощущавший своим поэтическим ясновидением», «*всеобъемлющий ум*» (Белинский. Т. 2. С. 177, 16); «*Всезрящей мыслию над миром он носился. // И в мире всё постигнул он*» (В.А. Жуковский. К портрету Гете, 1819 // Жуковский. Изд. 1980. С. 286); «*На всё отзывался он сердцем своим, // [...] Крылатою мыслью он мир облетел*» (Е.А. Баратынский. На смерть Гете, 1832 // Баратынский. Изд. 1982. С. 140); «*Всё выразил ты, и всё было раскрыто // Пророческим духом видений твоих*» (Трилунный (Д.Ю. Струйский). Гете, 1834 // Жирмунский. Изд. 1981. С. 169; курсив мой. — А.П.).

Гете, отзывавшись на всё во вселенной и природе, в частности, отзывался на всё в человечестве и в человеке. Гете «объясняет свою идею *всё* человечество» (А.С. Грибоедов — А.А. Бестужеву // Жирмунский. Изд. 1981. С. 119); открывает «в человеке нашего времени — полный отзыв всего человечества» (Киреевский 1828. С. 47). «Мечтою по воле проникнуть он мог // И в нищую хату и в царский чертог. // [...] Изведан, испытан им *весь* человек!» (Баратынский. На смерть Гете, 1832 // Баратынский. Изд. 1982. С. 140–141; курсив мой. — А.П.).

Гете — Протей. Он способен менять свой облик, полностью растворяясь в том, о чем пишет, и свободно проникая во все эпохи истории человечества: «...с дивною легкостью Гете переносится из века в век, из одной части света в другую. В «Фаусте» и «Геце» он ударом волшебного жезла воскрешает XV век и Германию императоров Сигизмунда и Максимилиана; в «Германе и Доротее», в «Вильгельме Мейстере» мы видим наших современников и современников отцов наших, немцев столетий XIX и XVIII всех возрастов, званий и состояний; в «Римских элегиях», в «Венецианских эпиграммах», в путевых отметках об Италии встречаем попеременно современника Тибуллова, товарища Рафаэля и Беневута Челлини, умного немецкого ученого и наблюдателя; в «Ифигении» он грек; древний тевтон в «Вальпургиевой ночи»; поклонник Браммы и Маоде в «Баядере»; в «Диване», сколько возможно европейцу, никогда не бывавшему в Азии, — персиянин» (Кюхельбекер 1824а. С. 466).

Гете всеобъемлюще выразил национальный дух Германии: «Ты понял глубоко народность отчизны» (Н. Трилунный (Струйский). Гете, 1834 // Жирмунский. Изд. 1984. С. 169); «...эпическая поэма[...] должна отражать в себе, как в зеркале, жизнь целого народа; [...] таков «Фауст» Гете, создание одного человека, который сам был полнейшим выражением Германии и который в своем создании представил символ духа своего отечества» (Белинский. Т. 1. С. 316).

Представления о самовозрастании духовной субстанции, об истинном поэте — выразителе этой субстанции, о Гете как современном образце такого поэта — всё это для нашего философствующего поколения существовало в тесной связи с вопросами о судьбе русской литературы, русского на-

ционального духа, России вообще. Одна из стержневых категорий этой эпохи — категория народности, в частности, народности литературы.

Представление о том, что русская литература безнародна, т.е. не выражает национальный дух, впервые отчетливо сформулировал Андрей Тургенев в своей речи 1801 года: «О русской литературе! Можем ли мы употреблять это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существует. [...] Читай аглинских поэтов — ты увидишь дух агличан; то же и с французскими и немецкими, по произведениям их можно судить о характере их наций, но что можешь ты узнать о русском народе, читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина [...]» (А. Тургенев 1801. С. 44).

В конце 1810-х — начале 1820-х годов представление о безнародности русской литературы («Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому» — Бестужев 1825. С. 117) прочно соединилось с представлением о безнародности образованного сословия, эту литературу порождающего и читающего («[...]поврежденный класс полуевропейцев [...] народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!» — Грибоедов (?) 1826. С. 383), и породило соответствующий императив: «[...]да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! [...] Станем надеяться, что наконец наши писатели [...] сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими» (Кюхельбекер 1824. С. 458).

Со второй половины 1820-х годов будущие славянофилы и западники перенесли вопрос о народности/безнародности на почву немецкого философского умозрения. В уже цитировавшихся шеллингианских заметках Веневитинова говорилось о том, что ход самопознания России искажен. Если «у всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать, отечественного», то русское просвещение заимствовано у других народов: после реформ Петра I Россия «всё получила извне» и вместо себя познает Европу (см.: Веневитинов 1826. С. 129–130). (Замечу кстати, что выдвигание С.С. Уваровым народности в число опорных символов правительственной идеологии не внесло в интерпретацию этой категории ничего принципиально нового, кроме элемента некоторого бесстыдства (когда о народности толковали в связи с православием и самодержавием) или оппозиционно-полемиического задора, который не мог не ощущаться тогда, когда о народности рассуждали вне связи с православием и самодержавием.)

Выход из безнародного состояния мог быть только один: обнаружить в русской литературе нечто, позволяющее говорить о том, что она уже выражает или в самом скором времени будет выражать национальные субстанциальные начала. Если бы это нечто нашлось, то, естественно для обнаружившего, не только литература, но и вся Россия вышла бы на качественно новый уровень по сравнению с тем, на каком она пребывала доселе, ибо, согласно логике самовозрастания духовных субстанций, именно литература конденсирует национальный дух.

Выход на этот новый уровень был тем более актуальным, что русское образованное общество, начиная с времен Петра I, мыслило Россию сорев-

новательницей Западной Европы (см.: Песков 1996). Однако на протяжении XVIII — начала XIX века Россия уверенно соревновалась с Западом только в военной мощи, а культурное соревнование не получалось. Вот характерное воспоминание А.С. Хомякова о состоянии умов в образованном обществе 1820—1830-х годов: «В глубине души и мысли просвещенного сословия таилась [...] болезнь сомнения в самой России. [...] Россию беспрестанно и невольно сравнивали с остальной Европою, и с каждым днем глубже и горше становилось убеждение в превосходстве других народов» (Хомяков 1859. С. 314). Это горшее убеждение усугублялось соответствующими убеждениями европейцев: «Славянские народы занимают на земле больше места, чем в истории» (Гердер. Изд. 1977. С. 470); «[...] в Восточной Европе мы находим огромную *славянскую* нацию [...]». Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире» (Гегель. Изд. 1993. С. 369; характерно, что Россия не различается в общей славянской массе).

Что могло ответить на это образованное русское общество, мыслящее в категориях соревновательной парадигмы своей культуры? Следовало либо признать полное поражение России, либо искать какие-то аргументы в пользу нашей национальной самобытности.

Поражение публично признал только один человек — Чаадаев. Но в целом мыслящая часть образованного общества предпочитала искать в русской жизни, истории и литературе те субстанциальные начала, самовозрастание которых могло бы дать такой результат, чтобы не только официозные журналисты, разъяснявшие публике смысл уваровской идеологии, но и вся Европа признала нас в качестве «самостоятельного момента в ряду обнаружений разума в мире».

О том, из каких именно субстанциальных начал произрастает наше всемирное значение, как известно, много спорили. Но независимо от разности воззрений даже крайние славянофилы и крайние западники сходились в одном: Россия еще скажет свое великое слово миру.

Согласно логике самовозрастания субстанциальных начал, говорить о том, что национальный дух уже возрос до «самостоятельного момента в ряду обнаружений разума в мире», можно лишь тогда, когда у нации есть некто, способный представить свою нацию на «европейском вече», являющийся эхом и зеркалом своего народа, — словом, некто, подобный Гете в Германии.

В таких умственных условиях совершенно естественно и возникает образ нашего национального поэта, всеобъемлющего, всеотзывчивого, всеотражающего, — то есть Пушкина.

6

Пушкин — универсальный гений. «Он слишком многосторонен, слишком объективен» (Киреевский 1828. С. 54). «Одаренный высоким поэтическим чувством и удивительною способностью принимать и отражать все возможные ощущения, он перепробовал все тоны, все лады, все аккорды своего века» (Белинский. Т. 1. С. 96).

Пушкин — Протей более, чем Гете. Он способен бесконечно менять свой облик и полностью растворяться в том, о чем пишет: «Сам Гете, этот Про-

тей из поэтов, стремившийся обнять всё как в мире природы, так и в мире наук, показал уже сим самым наукообразным стремлением своим личность свою, исполненную какой-то германской чинности и теоретически-немецкого притязанья подладиться ко всем временам и векам. Все наши русские поэты: Державин, Жуковский, Батюшков удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет. [...] Поди улови его характер как человека! Наместо его предстанет тот же чудный образ, на всё откликающийся [...]. И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец в полном смысле этого слова [...]» (Гоголь 1848. С. 382, 384; именно эти слова Гоголя вдохновят Достоевского на формулировку о всемирной отзывчивости Пушкина; ср. также с цитированными выше словами Кюхельбекера о Гете).

Разумеется, протеизм Пушкина — залог отзывчивости не только всемирной, но и национальной: «...заглянет к мужику в избу — он русский весь с головы до ног: *все* черты нашей природы в нем *отозвались*» (Гоголь 1848. С. 384); у него «особенно заметна способность забываться в окружающих предметах и текущей минуте. Та же способность есть основание русского характера: она служит началом [субстанциальным] *всех* добродетелей и недостатков русского народа; из нее происходит смелость, беспечность, неукротимость минутных желаний, великодушие, неумеренность, запальчивость, понятливость, добродушие и проч. и проч.» (Киреевский 1828. С. 54; курсив в цитатах мой. — А.П.).

Эти свойства поэзии Пушкина и позволяют отныне говорить, что в своем соревновании с Европой Россия восходит наконец на ту ступень духовного самовозрастания, на которой она занимает подобающе высокое положение среди других народов и государств. Лишь на таком основании можно сделать, например, следующее умозаключение: «Некоторые приписывают реформе Петра Великого то вредное следствие, что она поставила народ в странное положение: не привив ему истинного европеизма, только отторгла его от родной сферы и сбила с здорового и крепкого природного смысла. [...] Да, всё это правда, но [...] вопрос не в том, что Петр сделал нас полувропейцами и полурусскими, а следовательно, и не европейцами и не русскими: вопрос в том, навсегда ли должны мы остаться в этом бесхарактерном состоянии? [...] Итак, вопрос заключается в слове «будем ли», — и мы смело и свободно можем отвечать на него, что не только *будем*, но уже и *становимся* европейскими русскими и русскими европейцами [...], мы уже не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе. Это сознание проникает во все сферы нашей деятельности и резко высказалось в литературе с появлением Пушкина — таланта великого, самостоятельного, вполне национального» (Белинский. Т. 4. С. 56–57).

7

Признание Пушкина в качестве всемирно-национального поэта — важный акт самоидентификации образованного русского общества: отъединенное от своей страны своей европейской образованностью, а от Европы — своей принадлежностью к русской культуре, оно находит действенное средство, чтобы считать себя, с одной стороны, полноценной частью нации, а с

другой — полноценной частью европейской культуры. Это средство — мифологизация Пушкина.

Вместе с тем мифологизация Пушкина — это, конечно, процесс, аналогичный тому, что происходил в других европейских странах (мифологизация Гете в Германии, Шекспира в Англии, Данте в Италии), — процесс, связанный с эмансипацией европейских культур от культуры французской, под чьим влиянием прошла интеллектуальная жизнь Европы в предыдущем, XVIII столетии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Баратынский. Изд. 1982 — *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Поэмы / Изд. подготовил Л.Г. Фризман. М., 1982.

Белинский — *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1976; Т. 2. М., 1977; Т. 4. М., 1979.

Бестужев 1825 — *Бестужев А.А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Цит. по изд.: Декабристы: Эстетика и критика / Изд. подготовили Р.Г. Назарьян и Л.Г. Фризман. М., 1991.

Вацуро 1985 — *Вацуро В.Э.* Пушкин в сознании современников // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1.

Веневитинов 1826 — *Веневитинов Д.В.* Несколько мыслей в план журнала [1826] // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Изд. подготовили Е.А. Маймин и М.А. Чернышев. М., 1980.

Гегель. Изд. 1993 — *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории / Пер. с нем. А.М. Водена. СПб., 1993.

Гердер. Изд. 1977 — *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М., 1977.

Гоголь 1835 — *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине [1835] // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 6.

Гоголь Н.В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность [1847] // Цитирую по тому же изданию.

Грибоедов (?) 1826 — *Грибоедов А.С.* Загородная поездка // Грибоедов А.С. Сочинения / Издание подготовил С.А. Фомичев. М.; Л., 1988.

Григорьев 1859 — *Григорьев А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина [1859] // Григорьев А.А. Сочинения: В 2 т. / Изд. подготовил Б.Ф. Егоров. М., 1990. Т. 2.

Достоевский 1880 — *Достоевский Ф.М.* Пушкин [Речь на открытии памятника Пушкину в Москве, 1880] // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26.

Жирмунский. Изд. 1981 — *Жирмунский В.М.* Гете в русской литературе. Л., 1981.

Жуковский. Изд. 1980 — *Жуковский В.А.* Соч.: В 3 т. / Изд. подготовила И.М. Семенко. М., 1980. Т. 1. Стихотворения.

И. Ильин 1937 — *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина [1937] // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. / Изд. подготовила Р.А. Гальцева. М., 1990.

Карташев 1937 — *Карташев А.В.* Лик Пушкина [1937] // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

Киреевский 1828 — *Киреевский И.В.* Нечто о характере поэзии Пушкина [1828] // Киреевский И.В. Критика и эстетика / Изд. подготовил Ю.В. Манн. М., 1979.

Кюхельбекер 1824 — *Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, особенно

лирической, в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подготовили Н.В. Королева и В.Д. Рак. М., 1979.

Кюхельбекер 1824а — *Кюхельбекер В.К.* Разговор с Ф.В. Булгариным [1824] // Цитирую по тому же изданию.

Новалис. Изд. 1980 — *Новалис.* Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Под ред. А.С. Дмитриева. М., 1980.

Песков 1996 — *Peskov A.* La naissance du discours philosophique russe et l'esprit d'émulation (années 1820–1840) // *Romantisme.* № 92. 1996 (№ 2).

Полевой 1825 — *Полевой Н.А.* «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина [Рец., 1825] // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Под общей ред. В.Э. Вацура и С.А. Фомичева. СПб., 1996.

Струве 1937 — *Струве П.Б.* Дух и слово Пушкина [1937] // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

А. Тургенев 1801 — *Тургенев А.И.* [Речь о русской литературе, 1801] // Литературная критика 1800–1820-х годов / Изд. подготовил Л.Г. Фризман. М., 1980.

И. Тургенев 1880 — [Речь на открытии памятника Пушкину в Москве, 1880] // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 11.

Хомяков 1859 — *Хомяков А.С.* Речь по случаю возобновления публичных заседаний Общества [любителей российской словесности], читанная председателем в публичном заседании 26 марта 1859 года // Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки / Изд. подготовил Б.Ф. Егоров. М., 1988.

Шевырев 1835 — *Шевырев С.П.* История поэзии. М., 1835.

Шевырев 1842 — *Шевырев С.П.* Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная // Москвитянин. 1842. № 1.

Шевырев. Изд. 1939 — *Шевырев С.П.* Стихотворения / Изд. подготовил М.И. Аронсон. Л., 1939.

Шпет. Изд. 1989 — *Шпет Г.Г.* Очерк истории развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.

